

Иван Аксаков

# По поводу речи городского головы Чичерина



Иван Сергеевич Аксаков

## По поводу речи городского голова Чичерина

«Свистом и лаем было встречено в так называемом либеральном (!! ) лагере наше мнение, не однажды выраженное, а в последний раз в передовой статье 10-го номера – о том, что пришло наконец время центр управления русским государством перенести в центр государства. Ничто, по-видимому, так не раздражает и не пугает наших противников, как мысль о совмещении правительственного центра с средоточием народной исторической жизни и о восстановлении правильного кровообращения в нашем государственном организме!..»

**Иван Сергеевич Аксаков  
По поводу речи городского  
головы Чичерина**

Свистом и лаем было встречено в так называемом либеральном (!! ) лагере наше мнение, не однажды выраженное, а в последний раз в передовой статье 10-го номера – о том, что пришло наконец время центр управления русским государством перенести в центр государства. Ничто, по-видимому, так не раздражает и не пугает наших противников, как мысль о совмещении правительственного центра с средоточием народной исторической жизни и о восстановлении правильного кровообращения в нашем государственном организме! «Пустые опасные бредни», «старая вздорная фантазия», изъезженный конек «славянофилов», «самобытников», «народников»... Так величают нас, обыкновенно, эти поистине дивные люди, одержимые некою томительною страстью ко всему, что ненародно, что противоположно понятию *самобытности!*

На днях один из сих поборников национальной безличности и духовного рабства накинулся в «Вестнике Европы» на нового городского голову Москвы за то, что при вступлении своем в должность он сказал в своей

речи, будто «только в Москве можно обрести те крепкие основы, то верное понимание смысла русской истории, то чутье истинных потребностей народной жизни, которые предохраняют от легкомысленных увлечений и от слепого следования за мимолетными авторитетами...». Понятно, что публицист «Вестника Европы» нисколько не расположен предохранять себя и русское общество от этого слепого следования, когда именно такое «слепое следование» и возводится нашими ненавистниками самобытности в догмат новейшего русского «либерализма»... Понятно также, что всякая ссылка на «крепкие основы», точный «смысл русской истории» и «истинные потребности народной жизни» не заслуживает ни малейшего внимания в глазах наших противников; это значило бы признать, что у русской народной жизни могут быть *свои, самостоятельные* потребности, у русской истории есть свой особенный смысл и выработаны ею *самобытные* крепкие основы, тогда как, по учению этих господ, никакой «самобытности в сфере политических, нравственных и религиозных идей» для рус-

ского народа не полагается, а должен он проявляться, под видом «общечеловеческого», чужою национальною самобытностью: голландскою, бельгийскою, французскою, прусскою, итальянскою, одним словом – любого из латинских и германских племен Европы. Этим и объясняется, почему «Вестник Европы», возражая г. Чичерину, важно утверждает, что «народный дух не приурочен специально ни к какому месту...». Что же это за народный дух, который никуда не приурочивается, и как же это? Может, следовательно, русский народный дух веять и на берегах Шпреи, в Берлине? Конечно, нет, ответят нам, «мы все-таки ограничиваем его веяние пределами Российской Империи»... Стало быть, народный дух одинаков, что в Москве, что в Варшаве, Риге, Вильне? Едва ли, при всей своей умственной отваге, решатся наши «либералы» утверждать, что «да, один и тот же!». А если не один и тот же, так выходит, что народный дух не ко всякому месту приурочен, и вопрос сам собою становится специальнее, иначе, именно: в той ли мере приурочен он к Петербургу, как и к Москве? Еще правильнее, при-

меняясь к словам г. Чичерина, поставить во-  
прос в следующем виде: где удобнее непо-  
средственно чувствовать истинные потребно-  
сти русской народной жизни: в центре ли  
этой жизни или на самой ее окраине, сравни-  
тельно недавно приобретенной и населенной  
не русским племенем? В Москве или Санкт-  
Петербурге? Где вернее можно уразуметь вер-  
ный смысл русской истории: там ли где она  
совершалась и выразилась внешним образом  
в многочисленных памятниках, то есть в  
древней исторической государственной сто-  
лице, или же в столице новой, собственно го-  
воря в резиденции государевой, возникшей  
только в XVIII веке и непричастной даже ве-  
личайшему из внешних политических, всена-  
родных событий, ознаменовавших историю  
России этих последних двух веков, именно  
нашествию Наполеона в 1812 году? Где удоб-  
нее обрести «крепкие основы» нашего исто-  
рического и государственного бытия: в среде  
ли чиновнической, придворной, или же в  
русском народе и в общественной среде, к на-  
роду близкой? В той ли столице, которой да-  
же наши «либералы» не посмеют придать

эпитет «народной», или же в столице народной, бывшей искони, пребывающей и доселе – «средоточием народной жизни»?..

Ответ на эти вопросы дается не каким-либо «славянофильством», не какой-либо доктриной, но общим здравым смыслом. А «Вестник Европы» находит нужным попрекнуть г. Чичерина за его выражения о Москве именно славянофильством, причем кивает на «Русь»!.. Но уж почему бы, кстати, не попрекнуть ему «славянофильством» наших лучших поэтов, в том числе и Пушкина, за его стихи:

*Москва, как много в этом слове  
Для сердца русского слилось,  
Как много в нем отозвалось!*

Не сказал же вот Пушкин: «о Санкт-Петербург, как много в этом слове для сердца русского слилось!», а выразился про Петербург иначе: «город скучный, дух неволи» и пр.; если же и воспел его, то более со стороны военных парадов, пальбы из Петропавловской крепости в высокаторжественные праздники да красивого течения Невы... Уж и в пушкинских стихах не «Русь» ли виновата?.. Заметка



«Вестника Европы» не стоила бы сама по себе и возражения, но в таком же смысле и духе палят все тяжелые и легкие орудия нашего мнимо-либерального арсенала. Отвечая «Вестнику», мы отвечаем и им. Не аргументация их заслуживает внимания, а самое это озлобление на Москву, этот внезапный прирост любви к Санкт-Петербургу в нашем либеральном лагере: явление очень знаменательное, симптом времени, исполненный серьезного интереса. Защитниками Петербурга и оппонентами усилению значения Москвы в русской исторической жизни являются даже и московские подголоски «Голоса». Очевидно, что «Невская столица» для всех наших «либералов» – отечество, не просто город, а символ. Им дорог Петербург как знамя отрицания народности и самобытности, отрицания, составляющего сущность новейшего «либерализма». Оттого-то и этот тревожный, вполне искренний страх, как бы и в самом деле центр управления Россией не был перенесен вовнутрь России, не высвободился из-под воздействия, из-под давления на него петербургской либеральствующей опричнины!.. Из-

вестно, что под *опричниной* царь Иван Грозный разумел людей, выделенных из *земщины*, обособленных от *Земли*, поставленных к ней в супротивное отношение и в то же время наделенных властью и силою безграничного произвола. Для успешнейшего производства этого эксперимента он перенес резиденцию свою и *опричнины* вон из Москвы, в Александровскую свободу, но чрез 8 лет уничтожил *опричнину*, пояснив, что для потомков его «образец учинен готов». Не в такой грубой форме, не с той безграничностью произвола, без такого резкого разграничения в сознании понятий *Земли* и отвлеченной от нее верховной власти, но нечто подобное повторилось и после Петра, что дает нам право применить название *опричнины* к тем бюрократическим и преторьянским элементам, которые также свили себе гнездо не в старой столице, а в новой резиденции, также были отрешены от земли или *земщины* и состояли, состоят отчасти к ней и теперь как бы в супротивном отношении. Представим же себе, что в этой обособленной жизни *опричнины* совершился свой процесс внутреннего

развития; что русские опричники стали западниками-либералами, стали в оппозицию по отношению к тому принципу власти, который дал им бытие, не переставая быть опричниками по отношению к земщине! Между тем в сознании носителей самого принципа власти совершается также исторический процесс, но обратный, и возникает, если еще не убеждение, то расположение: прекратить ставшее уже вредным, утратившее свое историческое *raison d'être* обособление, и возвратиться от западного государственного типа к тому типу земского государства, который намечен (только намечен) допетровскою Русью. Такая склонность в верховной власти, очевидно, грозит самому существованию опричнины и их западно-либеральным идеалам, не имеющим ничего общего с русскими государственными земскими идеалами. Ибо не в том, конечно, состоит задача петербургского «либерализма», чтобы добиться в России общечеловеческих прав, свободы слова (определенной, впрочем, положительными законами), свободы совести, подчинения администрации законам и т. д.: если б она состояла толь-

ко в этом, так не было бы в России и розни в мнениях, а целью общих усилий, не исключая самого правительства, было бы именно изыскать для этих естественных требований соответственное выражение в государственном строе без нарушения тех крепких исторических и национальных основ, на которых стоит и держится русское государство. Задача же петербургского «либерализма» состоит напротив в том, чтобы заменить эти исторические и национальные основы иными, не национальными и нашей исторической жизни чуждыми, а центр правительственной тягости перенести с *единого* лица на *совокупность* известного количества лиц (по образцу разных западноевропейских государств, более или менее неудачному и нигде, ни для какого истинного, *народного* большинства не привлекательному). Еще профессор Градовский, в дни свежести своей, когда он еще был сотрудником Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха», когда еще не остуился в «Голос» и не увяз под его знаменем, характеризуя западноевропейские идеалы политической свободы, усматривал их сущность в

стремлении к захвату *власти* в пользу среднего сословия над народом или в пользу одной доктринерствующей, хотя бы демократической или радикальной партии над всеми другими разномыслящими с нею и опять же над народными массами; самую же борьбу на Западе из-за свободы и во имя ее называл «борьбою из-за *власти*». Даже Герцен (которого жизнь и деятельность находились в постоянном противоречии с его мыслию, подчас озаряемую блистательными откровениями истины), Герцен, изучивший западноевропейский либерализм не только теоретически, но и практически, разоблачая в своем «письме к Мишле» внутренний смысл этого либерализма, провозглашает следующее пророчество (как выражается Н. Н. Страхов в своей недавно вышедшей прекрасной книжке «Борьба с Западом в нашей литературе»): «Россия никогда не сделает революции с целью отделаться от своего царя и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими». Это значит, так поясняет мысль Герцена г. Страхов, что «Россия не пойдет тем путем, каким шла Европа, не по-

вторит тех фазисов развития, как бы важны и велики они, по-видимому, ни были, чрез которые прошли европейские народы, так как эти фазисы даже и не приводят к той цели, ради которой они совершились»... Известно, впрочем, что наши российские западники остались недовольны таким воззрением, таким вероотступничеством Герцена от Запада, и даже Белинский счел нужным заступиться против Герцена за французскую буржуазию!

Наши западники-либералы (не анархисты) остались и до сих пор верны старым политическим идеалам Западной Европы и по-прежнему влюблены в практические установившиеся в ней либерально-политические формы, не замечая, в своей близорукости, что они уже износились и лезут врозь со всех сторон. Они, наши либералы, томятся теми же властолюбивыми вожделениями. Препятствий для проведения в жизнь тех «правовых западных политических порядков», о которых они подчас заявляют в газетах, не предвидится, по их мнению, ни в чиновной, бюрократической среде (по крайней мере петербургской), ни даже на многих высших чредах

государственного служения. Но есть одно досадное препятствие, с которым так или иначе приходится считаться, – это безделица! – целые 80 % всего населения, то есть весь русский народ и, разумеется, все, что с этим наглым фактом и понятием связано: народность, предания русской истории, чувство национальной чести и т. д., и что, к «досаде либералов», постоянно живится в русском общественном сознании журналами и газетами с русским направлением. Вот откуда такая ненависть наших «либералов» и к «Руси»... Если собрать в одно целое главные мотивы, повторяющиеся в печати «либерального» лагеря, то внутренняя логическая их связь выступает сама собою. Именно ввиду того сопротивления, которое может быть оказано с народной стороны успеху западноевропейских либеральных политических доктрин и осуществлению таковых же идеалов с предоставлением, в силу западного «правового порядка», преобладающего значения либеральствующей причине, необходимо:

1) Отрицать, прежде всего в печати и на кафедрах, не только самобытность, но и вся-

кую способность русского народа к самобытности в сфере религиозных, нравственных и *политических* идей («Русская Мысль», г. Головачев). Отрицать вместе с тем всякое жизненное оригинальное начало в русской истории, всякое явление духа истины, отрицать в ней присутствие каких бы то ни было иных *основ*, кроме «плети и палки», исповедуя при этом, что единственный руководящий, спасительный «свет» для России исходит с Запада и, следовательно путь, которым она должна следовать, указывается Западом. («Русская Мысль», статьи Дитягина, *профессора* (!) Харьковского университета... Несчастливые студенты!). Мы назвали только эти три статьи потому, что они капитальнее других во множестве рассеянных в либеральной прессе. (Оговоримся. Сам редактор «Русской Мысли» г. Юрьев – человек, бесспорно, честный, но в простодушии своем не ведающий большею частью, ни что печатается в его журнале, ни куда ведут его сотрудники, хотя расточаемые ему хвалебные отзывы «Русских Курьеров» и «Московских Телеграфов» должны бы, кажется, раскрыть глаза и слепому).



2) Пугать правительство народом, стараться заподозрить эту «опору», этот «устой» в глазах власти. Вот почему современная мятущаяся, разнуздывающаяся опричина и вопит теперь: «Взнуздайте зверя! Взнуздайте 80 % „населения!“, то есть осуществите западноевропейский политический идеал в пользу остальных 20 %! По этой части особенно усердствует „Голос“». По его мнению, все современные беды и неудобства происходят не от расшатанности *основ* в общественном сознании, не от разгула духовно-отрицательной или нигилистической стихии, не от козней социалистов-революционеров, задерживающих наше нормальное развитие, а от «народного направления» во внутренней политике, едва только начинающего, по-видимому, зарождаться!.. Точно пароль отдан внезапно по всей либеральной прессе: публиковать о слухах и ожиданиях, снующих в крестьянской среде, охать, ахать, поднимать громкие толки о повсеместной «смуте» (которой, слава Богу, еще нет). Не о «*смутьянах*», о которых ни слова и которых усердное, хотя подчас и неловкое отыскивание полицией постоянно осмеи-

ваются теми же самыми газетами, – а именно о «смуте в *народе!*». «Вот-де ваш хваленый народ!». «Вот что значит одно желание держать-ся русского народного направления во внутренней политике!». Этого мало. «Голос» на днях выкинул такой фокус наглости, которым превзошел свою прежнюю в этом отношении славу. В этих аграрных толках народных, которые «Голос» поспешил заклеить страшным именем «смуты», он винит... «Русь» и вообще печать русского направления! Целый год раздувала либеральная пресса вопрос о малоземелье, о необходимости даже прирезок к наделам из помещичьей земли (мы можем назвать газету), раздувала и обобщали, хотя бы отчасти просто ради детского утешения поставить и у нас в России вопросы *аграрный* и *рабочий* («точь-в-точь, дескать, как на Западе!»); целый год позорила именно «Русь» за статьи Д. Ф. Самарина, за то, что мы не считаем малоземелье *повсеместным* явлением и *исключительною* причиною экономического упадка крестьян, а теперь «Русь» же виновата в том, что народ ожидает новых прирезок!

Все это делается, конечно, с целью ввести кого следует в обман на счет газет, придерживающихся русского национального направления, и отвести кому следует глаза от настоящих источников современного зла.

3) Не только избегать всего, но не терпеть ничего, что может в народе и в самом обществе произвести подъем русского национального и патриотического чувства, потому что с возбуждением этого чувства пришлось бы сказать «прости» многим чаяниям в смысле западно-политических идеалов. Очень искренно опасаются наши «либералы» войны, но не ради только одних жертв... Мы не полагаем, чтоб они серьезно верили в возможность скорой наступательной войны со стороны Германии, а раздувают этот страх, запугивают войною для того именно, чтоб ослабить ненавистное им возбуждение национально-патриотического духа. Вот почему так досталось от них Скобелеву! Что «Голос», воспевший во время оно хвалами Берлинский конгресс, остался верен себе и в настоящую пору, – это в порядке вещей; но замечательно то единодушие, с которым и все прочие рус-

ские «либеральные» газеты набросились на русского славного полководца и стали терзать и его самого, и его речь, вперегонку со всеми австрийскими и германскими газетами! Разумеется, наши либеральные газеты удостоились за это похвального аттестата от всей злостно враждебной России, иностранной печати... Клейма удостоились, постыдного клейма, которое и горит на них неизгладимо!..

Достаточно пока этих трех положений публицистов нашего либерального лагеря для того, чтоб не ошибиться насчет его направления, тактики и плана. Если, с одной стороны, этой прессе удастся зачислить в свой стан массу людей, способных пленяться банальной мудростью ее суждений, проповедью молчалинских добродетелей – умеренности, смирения и даже уничижения во всем, что касается достоинства и интересов русской национальности, то, с другой стороны, нисколько не ошибается в действительном значении этой нашей «либеральной» печати печать иностранная! Все что только за границей изрыгает ежедневно хулы, ругательства, клеветы

ты на Россию, все что злоумышляет ей вред, да нисколько и не думает скрывать этого злоумышления, все это с величайшим благоволением и сочувствием относится к «Голосу» и ко всем его московским и провинциальным подголоскам. Это истинный факт, ежедневно подтверждаемый; в этом может удостовериться каждый, получающий наиболее враждебные России польские и немецкие газеты. Мы вовсе не думаем утверждать, чтоб между нашею «либеральною» и заграничною печатью было какое-нибудь соглашение, чтобы наши «либералы» *заискивали* благосклонности у врагов России, но самая эта благосклонность отъявленных врагов должна была бы, кажется, предостеречь, вразумить наших либеральных радетелей о русском общественном благе. А она, однако же, им не претит!.. Очевидно, что тенденции русского «либерализма» *на руку* нашим недругам, и что последние почитают нужным поддерживать успех в России таких тенденций, хотя, может быть, втайне и глумятся над скудоумием русских «либералов» и злорадствуют!.. «Самая лучшая в России газета – „Русский Курьер“»,

орган лучшей и просвещеннейшей части московского купечества!», – восклицает одна из заграничных польских газет (а как относятся эти газеты к России, можно видеть образчик в этом же N «Руси»). Не поздоровилось бы от таких похвал московскому купечеству, если б в таком уверении была хоть тень правды; не могли бы, казалось, быть они приятны и для г. Ланина, но сей наивный издатель сам в прошлом году отрекомендовал русской публике в печатных циркулярах свою газету как «любимейшую за границей»!!! К этому либеральному литературному лагерю примыкает у нас внутри самой России и сила *еврейская*, и сила *польских*, враждебных русскому государству элементов...

А самый этот литературный лагерь примыкает к *петербургской* бюрократической или чиновной, разнуздавшейся или разнуздывающейся опричнине, желающей сохранить свое обособленное от русской земли и властное положение, под видом ли «интеллигенции» или «представителей», или же под иным «либеральным» видом, но таким, который бы дал им возможность муштровать и

ладить презируемый ими русский народ по своему измышлению, по чужому образу и подобию... Понятно, почему так любезен всем нашим «либералам» Петербург: он их родина, седалище, престол, причина бытия; он для них принцип и знамя, и почему, с другой стороны, так пугает их мысль о перенесении центра правительственной тягости в центр русского государства, в средоточие русской народной жизни...

Вопрос об этом перенесении уже перестает быть праздным литературным вопросом, каким он казался доселе. Это вопрос исторический, исчерпывающий в своей конкретной форме все прочие вопросы о будущности нашей и о возможных отныне преобразованиях... Это вопрос: быть или не быть России самой собою. Если теперь не все это сознают, то скоро сознают. Не замедлят убедиться в бесплодности усилий, прилагаемых лучшими людьми в Петербурге к подъему общественного духа, к оздоровлению его приливом положительных, здоровых сил народного исторического духа. «Крепкие основы» (а дело доходит уж до них, о которых прежде не по-

мышляли) таятся не в Петербурге... Если для обретения их, для возобновления их действительной силы в правительственном и общественном сознании потребны, по мнению некоторых, меры героические, радикальные, то самую мирную, рациональную и плодотворную из них представляется перенесение резиденции правительства в средоточие народной жизни. Только там – по верному выражению Московского городского головы – и возможно их обрести, а не в городе, которого весь смысл, все призвание заключалось именно во *временном* отчуждении от народной жизни, в той *реакции* национальной исключительности, которой историческая необходимость уже прошла. Нечего и говорить, что Петербург в Москву не переедет и что при перенесении канцелярии возникнет сам собою вопрос о размерах, атрибутах, о пригодности самой канцелярии...

Может быть, впрочем, еще не пришло время; еще Петербург не допел всей своей песни и ему предстоит еще ее допеть... Хороша должна быть эта последняя песнь! Все что есть элементов отрицания в России, все что



есть лжи и фальши, все, натужась, напрягшись до крайнего своего выражения, сольется, сосредоточится в этой песни в один колоссальный, чудовищный, потрясающий диссонанс...